

ПРОЕКТ

«ПУТИН»

ГЕОРГИЙ БОВТ
ЕСТЬ ЛИ
ЖИЗНЬ
ПОСЛЕ
ПУТИНА

Проект «Путин»

Георгий Бовт

Есть ли жизнь после Путина

«Алисторус»

2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бовт Г. Г.

Есть ли жизнь после Путина / Г. Г. Бовт — «Алисторус»,
2015 — (Проект «Путин»)

Георгий Бовт – российский политолог и журналист, он работал в газетах «Коммерсантъ», «Сегодня», был шеф-редактором «Известий», главным редактором журнала «Профиль»; Г. Бовт известен и как ведущий ряда популярных программ на радио. В своей книге Георгий Бовт затрагивает тему, которая широко обсуждается сегодня в России, – возможна ли «жизнь после Путина». Для начала автор показывает, как действует система путинской власти, как работает правительство, как принимаются решения в Думе, на каких принципах строятся отношения с Западом, насколько эффективно путинский режим справляется с последствиями санкций против России, какие меры предпринимаются для поддержки населения. А что будет, если Путин уйдет? Сможет ли Россия выстоять без него, как изменится политика государства без Путина, как это отразится на жизни народа? Георгий Бовт доказательно, ярко и порой неожиданно отвечает на эти вопросы.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бовт Г. Г., 2015
© Алисторус, 2015

Содержание

Что будет после Путина	5
От Рюрика до Путина	5
Кто не согласен, может отправиться «в эксперты»!	8
Почему Кремль отпустил Ходорковского	11
Что объединяет Ельцина и Путина	14
Что будет после Путина?	17
Не о чем спорить с Путиным	20
Мораль на ощупь	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Георгий Бовт

Есть ли жизнь после Путина

Что будет после Путина

От Рюрика до Путина

Вокруг идеи написать «единый учебник истории», а на деле – концепцию ее преподавания в школе – было столько страхов, споров и возмущений, что впору было ожидать явления народу «Краткого курса истории ВКП(б). Версия 2.0». А то бедные школьники, мол, не понимали, насмотревшись мракобесно-развлекательных телевизионных ток-шоу и воинственно-невежественных «исторических» сериалов, Сталин – он гений или злодей? Что таки стало с сыном Ивана Грозного, не «фальсифицирует» ли г-н Репин? Кто кого вышиб из Москвы в 1612 году, если и там, и там были наши, а будущий царь Михаил Романов немного околачивался в «польском» лагере? Кто таки основал Древнерусское государство и почему его «мать» – это иностранный город Киев? В общем, каша в головах.

И вот – написали. В силу привычки изучать вопрос по первоисточнику, не доверяя пересказам, пришлось прочесть около 80 страниц. Первый же вопрос – и что, это все, о чем спорто был? В принципе там, в этой «концепции», если всерьез считать ее концепцией, есть все. Набор дат, фактов, явлений, процессов, имен, который, на мой взгляд, можно считать более чем исчерпывающим для курса истории средней школы. Если ученики усвоят хотя бы такой набор фактов, и даже просто большую часть его, это само по себе станет величайшим достижением в нашей новейшей истории.

Уровень дремучести представлений нынешних школьников по части гуманитарных знаний (о других не берусь судить, но подозреваю, что он такой же) столь чудовищный, что это трудно даже осознать тем, кто просто нормально в свое время учился в нормальной советской школе.

Так, недавно мой школьный приятель, сугубый технарь по образованию и профессии, чуть не набил морду одному «продвинутому» продукту «болонского процесса» в его российском варианте за то, что тот с пеной у рта убеждал его – Вторую мировую войну выиграли американцы.

Это, как выяснилось, не идейная позиция, человек просто не знает элементарных фактов. И это еще вариант «продвинутой осведомленности», потому что для многих, во-первых, совсем не очевидно, на какой стороне и с кем тогда воевали эти самые американцы, да и СССР; во-вторых, полководцами на той войне были и Кутузов с Суворовым. А Хрущев – современник Александра Второго, Ленин – вообще непонятно кто, а варягов (если знакомо само слово) призвали в веке эдак XVIII, не раньше. Потешные примеры ответов школьников из ЕГЭ по истории можно продолжать бесконечно.

Проблема тут, видимо, даже глубже, чем «просто» (уж извините) тотальный развал нашего школьного образования. В большей части современного мира ситуация со средним образованием не лучше, и считающийся стандартным набор знаний одного поколения для подпирающего его поколения следующего, в силу специфики происходящих технологических и информационных процессов, в принципе почти ничего уже не значит. У них – другие книги, фильмы, культурологические артефакты, набор обязательных знаний и фактов, который старшему поколению кажется подчас чудовищным. Само понятие «непременных знаний образованного человека», вернее, считающегося образованным, подвергается кардинальному

пересмотру. На мой субъективный взгляд – по принципу редуцирования и упрощенческой деградации. Но сейчас речь даже не об этом.

В принципе, по представленной концепции можно преподавать что угодно и как угодно. И с «православно-патриотических» позиций, и с «либерально-западнических». И поверхностно, и углубленно.

Когда мы учились в советской школе, а потом кончали советские университеты, учебники были еще как «едины». Однако это не мешало и моей школьной учительнице истории, и моему университетскому преподавателю курса истории КПСС так интересно подавать материал, что это побуждало нас не только задумываться, но и читать массу дополнительной литературы (из той, что не была запрещена), докапываться до сути, подавлявая тупую пропаганду на явных несоответствиях.

По сравнению с теми информационными возможностями нынешние – это небо и земля. Найти можно все. Ну а то, что в свое время «десять сталинских ударов» переименовали в десять наступлений Красной армии, принципиального значения не имеет в данном случае. Все всё прекрасно понимали. Кто хотел понять.

В представленной президенту концепции единой линейки учебников (все-таки единого учебника все равно не будет) есть все и на всякий вкус. Если говорить только о вызывающей яростные споры советской истории, то вы найдете там и про коллективизацию, и про ее непомерную цену в виде раскулачивания и репрессий против крестьянства. Включая голод 1932–1933 годов. Есть про индустриализацию, но и про ГУЛАГ. Ничто не мешает вписать толковому учителю «пакт Молотова – Риббентропа» в раздел о «непростой» внешней политике СССР накануне войны. И так далее.

Ну да, есть несколько показавшихся мне, выпускнику советской школы, экзотическими терминами, растиражированных уже СМИ. Замена «татаро-монгольского ига» на вне-этническое «господство Золотой Орды». Вместо Великой Октябрьской социалистической революции будет Великая российская революция, от февраля до октября 1917 года. А приход к власти большевиков, этих альтруистов-фанатиков, стал началом некоего «советского эксперимента». Но эти терминологические изыски, уж извините, не кажутся мне принципиальными для нынешней средней школы – хуже уже не будет.

Как нет трагедии в кажущемся многим чуть ли не кошмарным отсутствию в современной истории фамилий Ходорковского и Березовского при наличии «семибанкирщины». Ничто не препятствует учителю рассказать и об этих персонажах. К тому же в современном мире не учебником единым как информационным источником должен, по идее, питаться школьник. Как говорится в таких случаях, «google it». При желании можно найти любую информацию и любую трактовку любых событий, обсудив это на уроке. Было бы желание. Желания часто нет – вот в этом проблема.

Дремуемость и невежественность превратились в осознанный (если можно так выразиться) выбор миллионов обывателей, в том числе молодых. Им комфортно в своей дремучей среде, удобно жить в рамках средневеково-мракобесных представлений об окружающем мире. Самая прочная стена – это не та, что по земле и в бетоне, а та, что в головах. И она построена. Замордованные нищетой, общественным неуважением и бюрократизмом (который не снился даже в самые тухлые советские годы) учителя – невольные или сознательные строители этой стены. Работающим на две ставки (только так получается довести их зарплату до средней по региону, как повелел президент) часто не до полета мысли и пытливых совместных копаний с учениками в сложных вопросах истории.

В концепции, кстати, поименованы 20 таких вопросов, предполагающие некие дополнительные методические усилия, тем более что там же сказано, что плюрализм оценок должен быть сохранен. Это и распад СССР, и цена реформ Ивана Грозного, Петра Первого, Сталина или Хрущева, и норманнская теория основания Древнерусского государства, и особенности

русского крепостничества в отличие от европейского и т. д. Но кто будет во всем этом разбираться, кто захочет тратить время? В конце концов, никто никогда из настоящих учителей не учит по всяким там концепциям. Качество знаний зависит от уровня самого учителя. По истории можно вообще написать любую концепцию и переписывать ее в зависимости от политического режима. Вот только саму историю переписать никогда никому не удавалось.

Школьники в свою очередь не понимают, почему они должны хорошо учиться, в том числе учить историю, почему должны уметь воспринимать разные оценки противоречивых явлений, критически мыслить, а не видеть все в упрощенном черно-белом свете. Они ведь видят, что отнюдь не меритократические принципы двигают людей вверх по социальным лестницам, а нечто другое. Что трудными вопросами заморачиваться не принято, а принято, не вникая в советы компетентных экспертов, искать простые, как дубина, решения.

В условиях торжествующего, в том числе на властно-бюрократическом уровне (рука не поднимается написать «политической элиты»), воинствующего невежества, законодательного идиотизма и неуважения к компетентности, к знаниям, к науке вообще (привет реформе академиков) трудно убедить молодых людей учиться хорошо, пытаться учиться отвечать на некие трудные вопросы. Что по истории, что из современности. Потому что меньше знаешь – крепче спишь. Спокойной всем ночи.

2013 г.

Кто не согласен, может отправиться «в эксперты»!

«Неужели Медведеву надоело молча смотреть, как топят остатки его президентского наследия, и он решил пойти против самого Путина?» – злорадно подумали было на днях некоторые досужие любители копаться во властных разборках и разводках. И запаслись было попкорном, чтобы смотреть водевильную драму. Премьер довольно критично отозвался о законопроекте, внесенном от имени президента, согласно которому уголовные дела по налоговым преступлениям могут возбуждаться силовиками не только по результатам налоговых расследований. Ведь это одна из считанных оставшихся «в живых» его президентских новаций.

«Навозбуждать-то можно все что угодно, особенно по заказу и за деньги, что происходит часто, когда одна структура борется с другой», – не без резона молвил из небогатой Ярославской области на это Дмитрий Анатольевич. Злопыхатели потирали руки недолго. Попкорн кончился быстро.

Потому как Путин ответил резко и немедленно: кто, мол, не согласен, тот может отправиться «в эксперты», как некогда Кудрин, публично возразивший тому же Медведеву по поводу размера военных расходов.

Потому что «есть определенная практика решения вопросов, перед тем как выходить в средства массовой информации». Пресс-секретарь Песков даже вынужден был чуть-чуть смягчить удар: мол, никого персонально не имели в виду.

Означает ли это, что вопрос уже принципиально решен, ведь теперь вряд ли кто-то из чиновников осмелится даже анонимно высказываться против инициативы, напрямую ассоциированной с президентом? Скорее всего, да, публичные дискуссии для политиков, для подавляющего большинства депутатов на эту тему закрыты. И уж, конечно, Дмитрий Анатольевич вряд ли швырнет возмущенно заявление об уходе на стол своему начальнику – трудно вообще представить ситуацию, при которой это могло бы произойти.

Хотя возможны некие отдельные компромиссы, донесенные в виде нашептываний в высочайшее ухо, в каковой форме происходило и продолжает происходить кулуарное «обсуждение» предстоящей очередной пенсионной реформы и ее конкретных очертаний. В процессе такого обсуждения, говорят знающие люди, возможны совершенно удивительные шараханья от одной крайности к другой.

Самое страшное для нынешней власти в ее нынешней конфигурации – это обнажить некую, даже едва заметную трещину в своих рядах, некие разногласия, которыми могут воспользоваться враги, расчленители родины и разводчики вертикали власти, дабы еще больше расшатать нашу суверенную лодку. К тому же не надо забывать славных советских традиций, на которые то и дело теперь принялись ссылаться высшие чиновники. Тогда решение, по сути, считалось принятым, когда о нем публично высказался генсек. Хотя предварительно, кулуарно в том числе, ему можно было вполне даже возражать и с ним спорить (речь о позднем советском времени, конечно), порой в чем-то переубеждая.

Продолжая советские аналогии относительно становящегося все более очевидным экономического курса нынешней власти, можно заметить, что по отношению к частному предпринимательству, к этим пресловутым коммерсантам он становится все более репрессивным, происходит ужесточение фискальной политики, делается усиленная ставка на огосударствление всего и вся, ведущими игроками на рынке в этой части становятся силовики.

Под разговоры об улучшении показателей во всевозможных рейтингах деловой активности пока логика «военного коммунизма» и коллективизации явно побеждает логику НЭПа.

Она, эта логика, проста как палка: раз по результатам медведевских либеральных инициатив за год произошло снижение числа налоговых уголовных дел в шесть раз (с 11–12 тыс. до примерно 2000), значит, бизнес «распоясался», надо усилить пресс ради наполнения бюджета.

Логика та же, что при конфискации (в конечном счете, мне кажется, кончится именно конфискацией, а не временным изъятием) накопительной части пенсии. Как говорится, «нужны Парижу деньги». Надо затыкать дыры в бюджете на фоне стагнирующей экономики. Легче взять эти деньги там, где они есть сейчас, нежели париться и создавать новую прибавочную стоимость. Согласно той же логике усиливается фискальный пресс по отношению к региональным бюджетам. В регионах, словно торфяной пожар, тлеет подспудно настоящая финансовая катастрофа, все более очевидно, что не только повышенные социальные обязательства выполнять не на что (майские указы президента), но и многие другие. Очевидно, по итогам текущего года окажется, что дефицитными будут бюджеты даже тех, кто до сих пор ходил в немногочисленных «регионах-донорах».

Казалось бы, в таких условиях пора бы хоть как-то поощрить предпринимательскую активность, чтобы разогнать затухающую экономику: дать налоговые послабления, способствовать созданию рабочих мест, прежде всего в малом и среднем бизнесе. Вместо этого Министерство труда предлагает выплачивать – из бюджета (!) – 400 тыс. тем, кто уедет из депрессивных моногородов. Таких городов около 400 в стране, там обитает, по разным подсчетам, от 15 до 20 % рабочей силы. Куда им ехать, где эти люди будут работать, откуда возьмутся такие несусветные деньги?

У нас в предприниматели не идут даже из безработных. Доля желающих в России заниматься бизнесом ничтожна по сравнению с другими странами – это от силы сейчас 5–6 % населения. В малом и среднем бизнесе работает 6 млн предприятий, в которых занято более 17 млн человек. Неизвестно, сколько работает в теневом секторе. Но даже все они вместе – это позорно мало для экономики времен XXI века.

Кроме того, уже в текущем году более полумиллиона индивидуальных предпринимателей закрыли свои фирмы, не выдержав повышения социальных платежей.

Доля малого бизнеса в нашем ВВП менее 22 %. В США, с их немалым числом транснациональных корпораций и крупных компаний, этот показатель доходит до 50 %, в относительно недавно насквозь коммунистическом Китае – уже 62 %, в странах ЕС – 60 %. В Великобритании более 80 % от общего числа фирм составляют небольшие компании, в которых трудятся менее 50 человек. В Италии на малый бизнес приходится 95 % всего национального дохода. Ежегодно в развитых странах не менее $\frac{2}{3}$ новых рабочих мест создается за счет мелкого предпринимательства. Эта сфера бизнеса показывает, как правило, более высокую эффективность капиталовложений. Так, в американском малом бизнесе она почти в 9 раз выше, чем в крупном. В США почти 55 % всех инноваций в последнее время созданы именно в малом бизнесе. В Америке относительно небольшим частным компаниям НАСА скоро отдаст на откуп запуск космических аппаратов, после чего нужда в наших услугах по доставке грузов и людей на МКС силами кораблей модели 50-летней давности попросту отпадет.

У нас силовикам явно хотят в очередной раз дать команду «фас!». Это было бы еще хоть как-то понятно в сравнении с другими странами, где налоговые преступления считаются одними из самых серьезных, если бы не коррумпированность наших силовых структур, запутанность и несправедливость налогового законодательства, неэффективность судебной системы, прежде всего в части защиты прав собственности. Рано или поздно при такой «красногвардейской атаке на капитал» во имя решения текущих бюджетных проблем всякий серьезный частный бизнес в стране просто закончится. Он благополучно издохнет. Останутся одни лишь госкомпании да аффилированные с госструктурами и чиновниками фирмы – соучастники в распиле бюджета.

Собственно, так произошло в свое время в Венесуэле при Чавесе.

В результате, даже выступая в роли одного из ведущих экспортеров нефти, страна оказалась в ситуации полного экономического маразма с разваливающейся инфраструктурой и полупарализованной, до предела коррумпированной экономикой. Когда дело снабжения насе-

ления дефицитной туалетной бумагой обсуждает парламент страны, когда церкви указами президента разрешают приобретать – в порядке исключения – дефицитное вино для обряда причастия, когда президент же своими указами повелевает бесплатно, по сути (за 10 % цены), раздавать бытовую технику в магазинах местной ликующей гопоте. Вернее, то, что еще осталось от бытовой техники в стране, где в силу полубезумного валютного регулирования уже практически не стало ни частных импортеров (не на что ввозить), ни частных экспортеров (нечего вывозить).

Во всех случаях, когда под ударами государственных фискальных и прочих репрессий частный бизнес благополучно умирает, неумолимая государственная машина, будучи не способной ни остановиться в нагнетании бюрократического маразма, ни наладить работу огосударственной и зарегулированной экономики, рано или поздно возьмется и за простых обывателей. И тогда экспроприации будут подвергнуты их собственность, их банковские вклады, начиная с валютных и кончая всеми прочими. До тех пор, пока экспроприировать уже будет практически нечего. До полного экономического коллапса. И тогда строительство современной экономики надо будет начинать сначала. И делать все по-другому.

2013 г.

Почему Кремль отпустил Ходорковского

В истории освобождения Михаила Ходорковского столько загадок и почти мистических совпадений, что остается пожалеть, что Том Клэнси умер. У него получился бы классный триллер. Там наверняка нашлось бы место описанию не только рассудочных шпионских схем, но и всякой «романтики». В жизни все проще. И даже гибель в день помилования МБХ в автокатастрофе Гаджи Махачева, человека, по депутатскому запросу которого началось первое «дело ЮКОСа», вряд ли подбросит дровишек в костер конспирологии: просто не надо гонять по раздельной со скоростью 150 км в час.

Освобождение Ходорковского, увы, не стало, вопреки утверждению восторженных оптимистов, «победой правозащитного движения в России». Хотя многие правозащитники, а также крупные предприниматели (я бы упомянул и бизнес-омбудсмена Бориса Титова) не раз выступали за освобождение Ходорковского, этот дар преподнесен не им. С точки зрения власти, правозащитники – это не участники равноправного диалога, это лишь деталь декорации такого диалога. А декорация выстроена не для внутреннего потребления. Она обращена лицом на Запад.

При всех возможных негласных договоренностях с Ходорковским, оговоренных разными Николай-Иванычами в штатском, посетившими его в колонии, его освобождение – это сделка именно с Западом.

Пунктов в ней может быть несколько. Самый очевидный и уже всеми описанный – это попытка поправить имидж страны накануне Олимпиады. Я и сам было год назад думал, что Ходорковского освободят накануне Олимпиады, при том что Навального вполне могут посадить после (просто два статусных «политзаключенных» – это слишком для одного режима). Но раскручивание третьего «дела ЮКОСа», нарочитое сужение двух амнистий так, чтобы Ходорковский под них не попал, мою уверенность свели на нет. ВВП опять удивил.

Освобождение Ходорковского, напомнившее многим высылку (только не через Берлин, а через Франкфурт) в феврале 1974 года Солженицына, еще внешне походило на спецоперацию по обмену шпионами. Что любопытно, в День чекиста. Она в результате и может таковой оказаться. И именно отсюда может происходить тот самый «немецкий след» в деле освобождения Ходорковского, который всех несказанно удивил.

Мало кто помнит, что летом 2013 года суд в Штутгарте осудил за шпионаж двух немцев (а может, и не немцев), 20 лет поставлявших в Россию секретную информацию. Они проходили на процессе под именами Андреаса и Хайдрун Аншлаг. Судя по всему, это была классная работа, и Москве удалось получить секретные данные об операции НАТО в Афганистане, развертывании ПРО в Восточной Европе, отношениях между ФРГ и США и т. д. Их «сдало» ФБР в октябре 2011 года, которое, в свою очередь, получило информацию о сети российских разведчиков-нелегалов от предателя-перебежчика Александра Потеева.

Их адвокат Хорст-Дитер Петчке тогда признался, что переговоры об обмене уже ведутся и «он может состояться в любой момент».

По некоторым данным, вопрос поднимался и на личной летней встрече Ангелы Меркель и Владимира Путина, хотя представители обеих сторон это отрицали. Посмотрим, где всплывут вскоре супруги Аншлаг. Если мы вообще об этом, конечно, узнаем.

Это помимо того, что вообще в той или иной мере «немецкий след» можно найти чуть ли не во всех проявлениях российской европейской политики. Похоже, еще чуть ли не с екатерининских времен у наших правителей утвердилось мнение, что кроме немцев в Европе толком разговаривать и договариваться особенно не с кем. Ну, или воевать. Сюжет с Ходорковским в этом смысле – лишь часть многопланового взаимодействия с Германией по множеству других

вопросов, от газовых до визовых и украинских. При всем том, какое место занимают права человека в германской политике и роль экс-министра Ганса-Дитриха Геншера в этой истории.

Другой «размен» просматривается в решении администрации Обамы, состоявшемся в минувшую пятницу. Оно ожидалось неделей ранее, но почему-то затянулось. Речь о «списке Магнитского».

По известному закону этот список подлежит ежегодной ревизии (туда могут включаться новые фамилии, а также исключаться имеющиеся), его открытая часть публикуется. Другая часть может быть засекречена администрацией. По информации из конгресса, в том числе от инициаторов закона, еще неделю назад предполагалось, что список будет расширен примерно на 20 фамилий, там должны были фигурировать высокопоставленные чиновники силовых органов. Сенсационным (для конгрессменов) образом этого не произошло. Конечно, не Ходорковский мог быть тому причиной, или, по крайней мере, единственной причиной: сейчас между Москвой и Вашингтоном наметился деликатный диалог по целому ряду направлений, включая Сирию и Иран. Так что не время «кидаться камнями» в стеклянные теплицы друг друга. Просто так совпало.

Еще одно совпадение – визит влиятельнейшего Генри Киссинджера в Москву в самом конце октября. Он встречался с Путиным и главой администрации Сергеем Ивановым. О чем говорили, так никто и не узнал. О том, о сем. Киссинджер – это не фриковый баскетболист Деннис Родман, зачавший в гости к северокорейскому вождю. Он выполняет самые деликатные просьбы руководства США. А еще он представляет могущественную Kissinger Associates (связанную, в частности, с группами JP Morgan и Goldman Sachs и др.), своего рода часть «мирового правительства». Ее еще называют «масонской ложей» мировой финансовой системы, интересующейся в том числе нефтегазовыми проектами.

Без ее неформального «агремана», говорят, не оформляется большое число сделок мирового масштаба. 12 ноября Николай-Иванычи убедили Ходорковского написать прошение. Чуть позже «Роснефть» подписывает с ExxonMobil очередную порцию значимых соглашений в области нефтедобычи с использованием имеющихся у американцев современных технологий. Опять-таки просто совпадение.

Все эти совпадения говорят как минимум о том, что между Москвой и Западом остаются каналы высокого уровня доверительного взаимодействия, которые не дают нашим отношениям сорваться в безудержную враждебную истерию. И слава богу.

Что теперь делать самому Ходорковскому? Возможно, он связан некоторыми обязательствами: его пресс-конференция в Берлине укрепила такое впечатление. Если да, он будет их выполнять. Путин, выпуская его, в этом был уверен. Как он выразился в отношении допуска Навального на московские выборы – если бы тот представлял опасность для системы, его бы на выборы не пустили. И хотя он потом поправился – мол, правовыми методами – это, пожалуй, квинтэссенция всего, что он наговорил на пресс-конференции за четыре часа.

Ходорковскому теперь нельзя заниматься политической деятельностью, особенно в «стиле Навального»? Да, но Ходорковский уже и так вряд ли вписался бы в нынешнюю полумертвую «политику».

Даже если бы он, в порыве безумия, скажем, принялся финансировать политические партии типа «Яблока», как раньше, то те бы в ужасе прибежали, словно с горящими угольями на руках, на Старую площадь с воплем: «Что нам с этим делать?!» А уж там бы и решали.

Есть ли какие-то обязательства по части «невозбуждения» новых судов против «унаследовавшей» ЮКОС «Роснефти», «неареста» счетов и пр.? Весьма вероятно (о чем, видимо, Ходорковский и написал в своем письме Путину, приложенном к прошению о помиловании), но возможности лично Ходорковского остановить или отозвать уже имеющиеся иски иностранных акционеров ЮКОСа не так велики.

Ряд исков уже удовлетворен, и «унаследовавшей стороне» пришлось раскошелиться. Все-таки тамошняя судебная система не работает просто по свистку, хотя, наверное, некие неформальные «пасы» возможны. Также сегодня юридически «Роснефть» защищена гораздо лучше. Впрочем, «пакт о ненападении» от Ходорковского ей, с нынешним перегруженным портфелем кредитных обязательств, отнюдь не помешает.

То есть Ходорковский не опасен не только политически, но и юридически.

Намного более опасным для нынешнего режима стал бы некий «заговор», санкции против российских компаний и денег. Самый крайний случай – это когда, скажем, в порыве эскалации конфронтации по линии Россия – Запад арестовываются, к примеру, транзитные счета в каком-нибудь Bank of New York, а это львиная часть долларовых транзакций. Москва чувствует эту угрозу: отсюда усиление курса на «деофшоризацию» экономики. Другое дело, что цена «деофшоризации» во всех ее причудливых и многообразных проявлениях в сегодняшних российских политических условиях может оказаться намного выше для экономики самой России, нежели цена выстраивания нормальных отношений с Западом. Более того, эта «экономическая автаркия» серией «точечных» ударов может эту экономику окончательно добить.

Выход на свободу после десяти лет заключения – это своего рода шок, от которого Ходорковскому еще надо прийти в себя. Он сидел в тюрьме столько же, сколько был богатым. Возможно, третья часть его жизненной драмы – это будет просто частная жизнь ради себя и своих близких. И это как раз было бы самым понятным ее продолжением.

Многие почему-то прочат Ходорковскому благотворительность, особенно в области образования и науки. Возможно, так и будет, хотя у меня есть кое-какие сомнения. Упадок образования, дремучесть мозгов, скудость творческой мысли, непрофессионализм – главная беда современной России. Даже катастрофа. Ходорковский в свое время сделал на этой стезе немало, создав целую сеть просветительских и образовательных проектов. Но эти усилия должны быть масштабными и долгосрочными. Могут пройти десятилетия, прежде чем хоть как-то выправятся мозги и командные посты займут представители поколения не только «не поротого», но и прогрессивно мыслящего.

Вместе с тем многие известные и по-своему яркие выпускники его проектов сегодня находятся в авангарде политического мракобесия. Они не стали «лучами света в темном царстве», оказавшись беспринципными флюгерами-карьеристами. Верховная власть на столь удручающем фоне остается «главным европейцем в России». И предпочитает вести содержательный диалог, вернее решать вопросы, не столько с просвещенной частью российского общества, сколько с генри киссинджерами, ангелами меркель и гансами-дитрихами геншерами. Для прочих – четырехчасовые пресс-конференции в духе сеансов массового гипноза. Впрочем, аудитория, как все, наверное, заметили, того стоит.

2013 г.

Что объединяет Ельцина и Путина

«Я устал, я ухожу». И еще – «берегите Россию». 15 лет назад царь Борис в последний день XX века отрекся в пользу преемника, которого сам же и назначил. В этом смысле последовавшая в 2008 году новая операция «Преемник» оригинальностью не блистала.

Само преемничество не противоречит демократии (как не противоречит ни монархии, ни авторитаризму). Уходящий политик волен поддержать своим авторитетом того, кого считает достойным продолжить его дело. А если авторитета и поддержки общества уже нет, то поддержку окажет сама высокая должность. В России не человек красит должность.

Если бы в какой-нибудь Америке непопулярный президент решил оказать посильную поддержку любимому кандидату, участвуя в его избирательной кампании, то такую «помощь» сочли бы «токсичной» и от нее бы вежливо отказались.

Наверное, если бы ставший непопулярным к концу своего правления Ельцин решил поучаствовать в избирательной кампании какого-либо кандидата в 1999—2000-х годах, то и он мог оказать тому медвежью услугу. В кампании Владимира Путина Ельцин и не участвовал. Однако к тому времени тот уже не только побыл несколько месяцев премьером, но и обрел звание и.о. президента. И вполне успел показать себя как молодой энергичный антипод дряхлеющего и не всегда трезвого «отца русской демократии».

Наделение его политическим весом путем назначения сначала премьером, а потом преемником, в отличие от ситуации 2008 и особенно 2011 годов, когда, по сути, так же происходила передача власти «по договоренности в верхах», никого тогда не смущало. И даже в ходе избирательной кампании, которая на фоне нынешних соответствующих ритуалов выглядела вполне конкурентной, так вопрос не ставился.

То, что в 1999 году ельцинским окружением был сделан выбор в пользу операции «Преемник», вместо того чтобы отдаться на волю непредсказуемого народного волеизъявления, свидетельствовало об одном – о глубочайшем недоверии этому самому волеизъявлению.

Которое разделяет поголовно вся постсоветская элита – с тех пор и поныне: народ дремуч и опасен в своих чувствах по отношению к властям предрежащим, и лучше его держать под неусыпным контролем, чем позволять всяческие вольности необузданной самореализации.

В этом плане, собственно, ельцинский преемник довел до логического конца то, что было начато в процессе президентской кампании 1996 года.

Уже тогда правящий класс вынес для себя главный урок, касающийся всеобщих выборов: это слишком опасный инструмент в России, чтобы регулярно так играть с огнем и рисковать, как это было в 1996-м. Ведь все висело если не на волоске, то близко к тому, и если бы не мягкотелое соглашательство Зюганова (за что ему положено теперь, как я полагаю, пожизненное «содержание» в политическом театре), то неизвестно, как бы все повернулось.

Хотя, собственно, как оно могло «не так» повернуться? – невольно задаешься вопросом, наблюдая неизбежный для любой «революции» период консолидации достигнутых результатов, переходящий местами в реакцию.

Нынешний российский парламент – это всего лишь порождение расстрела Белого дома в октябре 1993 года и написанной под впечатлением этого расстрела Конституции. А путинская любовь назначать «технических премьеров» и ценить в этой ипостаси людей, прежде всего, лояльных ему лично, а уже потом все остальное, – это своего рода «фантомные боли» отрезанного от российской государственности раз и навсегда института вице-президента после казусов Янаева и Руцкого.

Ельцинская «семья», выбирая преемника, исходила, во-первых, из намерения обеспечить себе гарантии безопасности и лишь во-вторых – из всего остального.

Не случайно, уходя, Ельцин, по сути, не оставил никакого политического наказа/завещания. Призыв «беречь Россию» можно трактовать как хочешь, это вне политики. И «семья» не прогадала. И намека не было на возможность нарушения этой негласной договоренности. И даже злому демону Березовскому, претендовавшему на то, что именно в его голове и зародился сей план применительно к конкретному и мало кому известному на тот момент полковнику ФСБ, позволили бежать за границу и умереть там почти своей смертью (все же в самоубийстве есть некая принужденность выбора).

Кстати, его партнеру по олигархической медийной клоунаде Гусинскому тоже позволили уехать. Вообще, в отличие от ранних имперских и сталинских времен, нынешний режим куда как менее «кровожаден» в своих нравах, позволяя многим из тех, кто раньше кончил бы на плахе, в подвале Лубянки или в ГУЛАГе, доживать свои дни в приличных заграничных резиденциях.

Конечно, каждая личность накладывает на историю отпечаток.

Ельцин и Путин – очень разные. И если принять за роднящее их свойство недооценку роли институтов (парламента, независимого суда, равенства перед законом), то почти вся остальная «специфика» правления того и другого вполне уложится в то, что называется «особенностями характера».

Плюс жизненный опыт, менталитет – и то и другое отличные у бывшего секретаря обкома КПСС и полковника КГБ-ФСБ, по долгу службы занимавшегося «противодействием» вероятному противнику. Который всегда на Западе.

Чаще всего, когда говорят об отличии Ельцина от Путина, поминают отношение к свободе слова и т. д. Отрицать разность личностного отношения к этому институту невозможно. Но заметим: наступление на прессу, на всевозможные НКО и политические вольности началось ровно тогда, когда само общество перестало воспринимать такие свободы как востребованные и необходимые ему.

Сейчас уже и вовсе непонятно, а был ли такой осознанный запрос (на свободы) изначально.

А если не был, то сколь долго мог устоять любой российский правитель (да и не российский тоже) от соблазна заставить заткнуться всех этих «очернителей», «агентов пятой колонны и госдепа». Надо признать и то, что поступают с ними в нынешней России, по ее собственным историческим меркам и по меркам других авторитарных режимов современности, также по-вегетариански. Как говорилось в одном славном фильме, «мог бы бритвой по горлу – и в колодец».

Ну и, конечно, условия существования страны в 90-х были иные. Трудно сказать, как бы повел себя Путин, окажись он в 90-х на постах много выше, чем управление внешнеэкономических связей питерской мэрии. И ему пришлось бы учитывать прискорбное состояние тогдашней экономики страны и ее золотовалютных ресурсов, пришлось бы маневрировать в условиях раздвоя неустоявшейся еще постсоветской элиты (добрая половина которой состояла из «красных директоров»), пришлось бы взаимодействовать с Западом совсем не в духе нынешней стилистики, то есть – во многом уступать.

И наоборот, условный Ельцин эпохи цены на нефть под 150 долларов за баррель, наверное, сильно отличался бы от того, при котором она стоила около 20.

Кстати, мы еще не видели Путина-президента эпохи «баррель за 20». Осмелюсь предположить, что взаимозависимость «чем дешевле нефть, тем меньше склонности к репрессиям» может сработать снова. С поправкой, разумеется, на личность первого лица и на нынешнее состояние элит, характеризующееся их неспособностью к солидарным действиям и самоорганизации автономно от Начальника.

Когда вспоминают добровольный уход Ельцина, то акцентируют внимание именно на добровольности, а не на объективных обстоятельствах отставки. При вековых авторитарных

традициях России с ее трона никто добровольно не сходил, досрочный уход, как правило, означал «табакеркой в висок». Хотя Хрущеву удалось умереть в своей постели, а Горбачев даже не был под домашним арестом после отставки и сегодня свободно перемещается по миру.

Но при всем вершущем характере дворцовых переворотов в России «падению с трона» обычно предшествует и сопутствует потеря авторитета первого лица и в низах общества.

Первый секретарь ЦК Хрущев не зависел от народного волеизъявления, обстановка той поры могла быть официально описана только как «полный одобрям-с». Ельцина ничто не толкало уходить именно в новогоднюю ночь. Горбачев формально мог воспротивиться «беловежскому сговору». Николай Второй мог не подписывать отречение. Однако всякий раз в подобных случаях за спинами «дворцовых заговорщиков» стоит тот самый народ, который безмолвствует (он и в феврале 17-го не безмолвствовал только в Петрограде), но именно по безмолвному отношению которого в какой-то момент русской истории становится необратимо ясно, что тот или иной вроде бы ничем и никем не ограничиваемый и не сковываемый властитель – обречен.

Чисто теоретически можно себе представить, что такое может приключиться даже с Путиным. Который не станет, скажем, вновь баллотироваться в 2018 году. Даже если придворные социологи будут предрекать безоговорочную победу, но при этом в русском воздухе будет разлито вот это вот почти неуловимое извне, но тонко ощущаемое любым знающим свою страну правителем народное – «Надоел!».

Сегодня это далеко не так. И 80-процентные рейтинги одобрения показывают в том числе нынешнее состояние общества, которое себя без Путина не мыслит. Ведь если не он, то кто?

Имеющиеся проблемы обыватели с готовностью объясняют ошибками, а то и заговором окружения (либералов, бездарей, клептократов). В этом смысле Ельцин гениально угадал с преемником: в России даже овладевший в совершенстве всеми «чуровдеевскими» методами электоральных технологий властитель должен уметь прежде всего нравиться людям, даже вопреки экономической реальности, преподносящей трудности. Умение это – почти мистическое, трудно сказать, в чем именно секрет, как вовремя найти те или иные повороты продления магии (Крым в уходящем году стал именно таким неожиданным, но логичным для нынешнего режима поворотом).

Ясно лишь, что нельзя казаться слабым, нерешительным. Нельзя давать понять, что устал, что растерялся. В России от власти нельзя уставать. Этому не прощает ни она, ни безотчетно преданный ей в буквальном смысле народ.

2014 г.

Что будет после Путина?

Нет, это не вопрос, уходящий в политическую бесконечность, о том, что и кто, мол, будет «после Путина». Это более практический и приземленный вопрос о следующем поколении правящей элиты страны: какой будет она, можно ли угадать уже теперь какие-то ее черты? В каких сферах идет ее формирование? Является ли это неким планомерным процессом?

Впрочем, ответ на последний вопрос, видимо, ясен. Он отрицательный. В стране сейчас нет отлаженных «социальных лифтов» с понятными и одинаковыми для всех правилами карьерного роста наподобие, скажем, тех, что были в Советском Союзе, когда Компартия в том числе играла роль «кузницы кадров». И не только по отношению к собственным членам: она занималась «селекцией» управленцев практически во всех сферах жизни.

Китай, который теперь приводят в пример чаще, чем ставшую враждебной Европу, решает подобные задачи в форме периодической – раз в десять лет – ротации управленческих кадров. Включая, заметим, первое лицо государства. Смена планомерно выращивается, ротация работает даже в отсутствие такого института, как свободные выборы, что для таких обществ оказывается не критичным, если работают другие институты отбора. Вспомним также вековые традиции китайской школы бюрократии.

Впрочем, кажется, у нас слово «ротация» станет скоро иметь четкую антирежимную коннотацию.

На Украине сейчас пошли другим путем – путем люстрации, которая может затронуть до миллиона человек. Опыт близкой нам по менталитету постсоветской страны может оказаться тем актуальнее, что при последовательном проведении объявленной чистки украинское государство может столкнуться с таким дефицитом профессиональных управленцев и специалистов, что придется либо набирать их за границей, либо полностью развалиться как государству.

В этом смысле тоталитарное общество – «проще». До тех пор пока оно наконец не сталкивается с вызовом (внешним или внутренним, цивилизационным), который ему не по силам, оно вполне способно возвращать будущие управленческие элиты. Ну а потом – смотря как пойдет слом системы.

Но пока тоталитаризм не наш случай. Представить себе нынешнюю как бы правящую партию в роли такой «кузницы» затруднительно. «Как бы правящей» – потому что внутри ее не происходит процесса выработки решений, он перенесен в другое место.

Другая ключевая задача любой партии – выработка идейной платформы, нацеленной на определенные слои населения (ее предполагаемый электорат) – подменена «телевизионной публицистикой» в формате ток-шоу либо громкими, сейчас все больше на грани то ли дремучего невежества, то ли реакционного мракобесия, политическими перформансами, называемыми почему-то законодательным процессом.

Электоральная функция данной партии (мобилизация избирателей под свои знамена, рекрутирование и продвижение через институт выборов новых партийных кадров) тоже, по сути, редуцирована. Прежде всего – в силу деформации самого института выборов под давлением так называемого административного ресурса, который сам по себе внепартиен и представляет собой вертикаль власти, вершина которой упирается даже не в аналог советского политбюро ЦК (который был таки коллегиальный орган при всей узости круга этих «коллег»), а в одного-единственного человека.

В некоторых других странах так называемого социалистического содружества (например, в ГДР или Польше) будущая правящая элита страны отчасти сформировалась внутри существовавших там некоммунистических партий. Они хотя и были на побегушках и вторых ролях при своих режимах, однако не опускались до такой потери собственного политического лица

и пресмыкательства перед властью, каковое сейчас демонстрирует так называемая думская оппозиция.

Еще пару лет назад казалось, что в своем пусть и подчиненном ЕР формате, не предусматривавшем все же соития с ней в политическом экстазе, они могли бы сыграть подобную роль. Но сегодня их представители, пожалуй, выделяются лишь гипертрофированным непрофессионализмом на грани глупости и стремлением выпрыгнуть буквально из штанов от рвения быть «правее папы Римского» в угадывании будущих зигзагов генеральной линии.

Что касается всевозможных околупартийных молодежных структур, то они, подававшие первоначально (вроде организации «Наши» и прочих им подобных) надежды или страхи – кому как, – что из них вырастут достойные хунвейбины режима, ни этих надежд, ни этих страхов не оправдали, а просто бесславно и бессмысленно сдулись. Уж точно не став никаким «социальным лифтом».

Одновременно кончились и всякие медведевской поры игры в президентские сотни и тысячи так называемых кадровых резервов. Мало того что попадание в списки (некие наивные, но ушлые люди, говорят, пытались даже приторговывать там местами) осуществлялось по непонятным критериям, но и принадлежность к ним утратила, кажется, всякий смысл. Нет, конечно, вполне возможна сегодня ситуация, когда некоего относительно молодого активиста ЕР или «Народного фронта» могут выдернуть куда-нибудь наверх, снабдив должностью. Но это будет скорее исключением из правил, эти правила (вернее, их отсутствие) подтверждающим.

Другой сферой, где могла бы формироваться будущая управленческая элита, могла бы быть бюрократия в широком смысле слова. Особенно если речь об элите технократической.

Казалось бы, заданный курс на «суверенизацию элиты», выливающийся, с одной стороны, в ограничения (подчас унижительные, вроде запретов на выезд за границу), с другой – в неуклонное задабривание в виде опережающего по сравнению с остальной страной повышения материального благополучия, создает определенные предпосылки для формирования будущей элиты.

Однако в заданном курсе явно недостает составляющих. Кнут и пряник важны, но неисчерпывающи. Нужны еще и принципы, общегосударственные (и общественные) ценности, этический кодекс поведения, меритократизм, служение, если угодно, не непосредственному и вышестоящему Самому Большому Начальнику, а стране. Что, собственно, отличает адекватную вызовам современности элиту от замкнутой касты янычаров (у которых, впрочем, с принципами было все по-своему в порядке).

К тому же некоторые ограничения (типа запрета на иностранные активы) не просто сквозят тупым изоляционизмом, но и отсекают от политического процесса тех, кто создает большую часть материального богатства страны, – частный бизнес, который в современных условиях не может не быть глобальным, если только речь не идет о ларечниках.

От политического процесса и, стало быть, от влияния на формирование будущей элиты страны отсечены сейчас и те, кого можно было бы назвать условно интеллектуалами и экспертным (научным) сообществом.

Власть стала подчеркнута антиинтеллектуальна и даже, кажется, этим бравирует.

При этом экспертное, научное и интеллектуальное сообщества, конечно, сильно деградировали. И в силу собственной невостребованности – не только властью, но и на глазах люмпенизирующимся обществом, где знания не ценятся, ибо обладание ими вовсе не ведет к жизненному успеху.

И в силу деградации образования и наук – технических и гуманитарных особенно. Кого ни спросишь из работодателей в самых разных сферах – все в один голос жалуются на безграмотность и вопиющий непрофессионализм представителей новых поколений.

Что касается представителей ширящегося в последнее время волонтерского движения, а также НКО (можно даже оставить в данном случае в стороне те, что занимают критическую по

отношению к власти позицию), то подобную несанкционированную сверху активность стремятся прежде всего нейтрализовать или вовсе запретить. Вместо того чтобы привлечь этих людей, демонстрирующих поведение, достойное настоящей элиты, к общественному строительству.

Им же установлен потолок – заседания в полубессмысленной какой-нибудь Общественной палате. Да и то не всех пускают, фильтруя состав таких организаций даже там, где они ничего не решают.

Впрочем, скоро может стать уже не до терпеливого воспитания элит на будущее.

А надо будет в пожарном порядке решать вопросы поддержания работоспособности инфраструктуры, сохранения хотя бы на каком-то приемлемом уровне системы здравоохранения (падение квалификации врачей называют чудовищным многие представители самой отрасли), поддержания работоспособности сложных, требующих компетентных решений технологических и общественных систем.

Дойдет до того, что неизбежно предстоящие задачи модернизации экономики и общества будет некому внутри страны не только решать, но и элементарно осознать их актуальность.

Неужто придется, как Петру Первому, завозить для новой модернизации иностранцев, а то и – сообразно усложнившимся задачам современного общества – профессиональных и честных судей, управленцев и даже тех, кто сможет грамотно написать законодательный акт так, чтобы он потом работал? Как-то уж такое «возвращение к истокам» спустя три столетия было бы совсем обидным. Хотя, возможно, к тому времени, когда такой вопрос у нас поставят в повестку дня, пройдет уже не три столетия, а все четыре.

2014 г.

Не о чем спорить с Путиным

Когда президент Путин оглашал Послание, то по большому счету спорить с ним было не о чем. Все это правильные вещи, и хорошо, чтобы так оно и стало. Однако фраза императора Александра, которому недавно поставили памятник близ Кремля, кажется, витала над залом, собравшим больше тысячи представителей элиты страны.

Почти все меры, изложенные в Послании, хорошо укладываются в теорию «развивающегося государства». Получившая популярность в западной политологии в начале 90-х годов XX века, она описывает практику развития, которую предприняли после Второй мировой войны многие страны Африки и Латинской Америки.

Доминирующая роль государства в экономике, опора, как правило, на отечественный сырьевой сектор, на госинституты развития, курс на импортозамещение – все это позволило сделать рывок в экономике, потеснить бедность, решить многие социальные задачи. К примеру, в 1960—1980-е годы такие страны, как Танзания, Кот-д’Ивуар, Гана, были весьма динамично развивающимися. Во многом в эту же схему вписываются и экономики Юго-Восточной Азии, начиная от послевоенной Японии и кончая Китаем, Южной Кореей, Вьетнамом, Таиландом, Тайванем, Индонезией и т. д. Признаки «развивающегося государства» отчетливо видны в Бразилии и ЮАР.

При этом, вопреки распространенному представлению, до определенного момента такие факторы, как коррупция или колоссальный разрыв между самыми богатыми и бедными не оказывали решающего тормозящего воздействия на экономическое развитие по модели «развивающегося государства».

Так, в показывавших до недавнего времени впечатляющие темпы роста Ботсване, Бразилии и ЮАР при этом «коэффициент Джини», статистический показатель степени расслоения общества, оставался одним из самых высоких в мире – 0,63, 0,59 и 0,58 соответственно (для сравнения, в России – 0,41, в США – 0,42, в Скандинавских странах – до 0,3).

Вопрос также в том, какой именно тип коррупции в такой стране (скажем, во второй половине XIX века Америка была вполне коррумпированной страной, но это не стало тормозом индустриализации, скорее наоборот). То есть становится ли государство как главный двигатель развития заложником узких групп интересов, принося в жертву им общенациональные цели, или же остается в большой степени «автономным» от таких групп – прежде всего благодаря высокому уровню профессиональной бюрократии, правовой системе и того, что называется «good governance», – качеству госуправления.

В большинстве стран Африки к началу 1990-х годов драйв «развивающегося государства» выдохся.

Многие режимы из авторитарных (что само по себе не есть тормоз для развития в рамках такой модели) превратились в мракобесно-авторитарные, стали заложниками интересов разных кланов, «приближенных к трону», принеся им в жертву интересы общенационального развития. Их элиты, став жертвой неопатримониальной политической системы, не вынесли испытания бесконтрольной властью.

Участь сия не миновала и многие страны Латинской Америки. В этом принципиальная разница между ними и странами Юго-Восточной Азии, где государственная бюрократия сумела преодолеть во многом такие же соблазны (что не отрицает само существование массовой коррупции, но такой коррупции, которая не стала именно тормозом на пути движения к общенациональным целям развития). Госслужба в «провалившихся» странах превращалась, с одной стороны, в объект патроната дорвавшихся до эксклюзивного влияния на власть узких групп интересов, с другой – в средство наживы для их ставленников на государственных постах.

Вторым важным отличием стала ориентация стран ЮВА после короткого увлечения импортозамещением на экспорт продукции, что диктовало заботу о ее конкурентоспособности, высоком качестве и, стало быть, повышении эффективности производства на основе заимствования передовых западных технологий, корпоративных и юридических практик. Тогда как в «импортозамещающих системах» на фоне деградации способности попавшего под влияние узких групп интересов государства следовать общенациональным стратегическим планам развития эффективность государственных институтов развития и госинвестиций падала, росли внешние долги, коррупция превращалась в непреодолимый тормоз развития.

Упорная ставка на импортозамещение, акцент на защите неэффективных отечественных производителей вели к еще большей неэффективности производства. Тогда как страны, ориентированные на экспорт (ЮВА), успешно привлекали инвестиции в эффективное производство товаров, пользующихся как внешним, так и внутренним спросом.

На фоне разочарования в модели «развивающегося государства» (плюс позже крах СССР и социалистического блока, построенных по такой же модели) начался рост популярности неолиберализма с его тотальной приватизацией, сокращением вмешательства государства в экономику, сокращением социальных обязательств и торжеством «руки рынка». Смотри, как говорится, пример Пиночета в Чили.

Однако после кризиса 2008 года о «реванше» неолиберализма речь уже не идет. Скорее о сочетании отдельных его элементов с методами «развивающегося государства».

В условиях современной экономики, глобализации технологических процессов, расцвета информационных технологий и «экономики знаний» нужна большая гибкость в применении методов госрегулирования и стимулирования роста. За счет частно-государственного партнерства, новых форм стимулирования частных инвестиций в общегосударственных целях (именно частные инвестиции сегодня становятся все более важным источником вложений в будущее даже в странах, которые можно причислить к модели «развивающегося государства») гибкость в применении регламентирующих методов, дабы быстрее подстраиваться под рынок.

Сегодня «развивающееся государство» должно уметь «венчурно» рисковать, быстро учиться, искать новые возможности, продукты, свои ниши и перспективные технологии в глобальной экономике. Уметь смотреть в будущее, улавливая новые тренды. Старые институты развития на это не годятся.

Нужно новое качество законодательства, права и правоприменения, регулирования, новое качество госинститутов и бюрократии. Она сегодня должна «учиться капитализму», как раньше «училась коммунизму».

Время предъявляет новые требования к качеству и российских госинститутов. К компетентности российского правящего класса. К его способности как корпорации в целом противостоять захвату государства и отдельных институтов паразитическими группами интересов в ущерб интересам развития страны.

Есть ли такие качества сегодня у наших госинститутов, у правящего класса? Сможет ли «развивающееся государство» нового типа выработать адекватный ответ на вызовы времени – нельзя же навсегда зависнуть в «черной дыре» неопределенности и некомпетентности, между демократией и меритократией.

Иначе даже правильно сформулированные задачи снова будет «некем взять».

2014 г.

Мораль на ощупь

В ходе очередной «прямой линии» с Путиным не прозвучало вопросов морально-этического порядка. Ни про на шумевших в соцсетях «пчелок», ни про «Тангейзер», ни про уголовную ответственность за аборт (такой проект уже поступил в Думу, правительство возражений не выставило), ни про запрет фильмов. Про оппозицию (конструктивную) были мимоходом повторены известные тезисы. Про Интернет, прессу, НКО и сопряженные темы – почти ни слова.

Конечно, аудитория «прямой линии» – это прежде всего «страна телевидения», а не Интернета. А на ТВ, за исключением оренбургских «пчелок» в подаче отдельных ток-шоу, об этих сюжетах в последнее время ничего не говорилось.

С другой стороны, нельзя не отметить и мудрость организаторов 4-часового общения с народом. Ведь стоит Начальнику обмолвиться о своем отношении к тому, что у нас проходит по разряду «скреп», как начнутся от воодушевленного желания угодить начальству и предугадать его мысль такие «перегибы на местах», что мало не покажется. Не будет предела буйству охранительной мысли.

Так что сдержанность первого лица по части морализаторства в нынешнее время – это то, что раньше называлось «царь – главный европеец России».

Тем не менее отдельные «неравнодушные представители» общества продолжают, что называется, наугад нащупывать все новые и новые «скрепы». Остальные с большим или меньшим интересом наблюдают, где же то самое дно, на котором этот окрашенный архаикой, выдаваемой за «возврат к истокам», а то и откровенным мракобесием поиск остановится. Поскольку целостной идеологии, цементирующей и направляющей морально-нравственные искания «неравнодушных», нет, то все происходит во многом спонтанно. Как блуждания в темном лесу в сумерках.

При наличии «направляющей идеологии» можно легче предугадать, что такое хорошо, а что такое плохо. А так получается, что на месте еще недавно идейного вакуума выстраивается некая система табу, где ответ на вопрос, почему это сегодня можно, а то-се завтра уже нельзя, звучит примерно так: «потому что».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.